

УДК 343.98

ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АГРЕССИВНОЙ РЕЧИ ДЛЯ ВЫДВИЖЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ВЕРСИЙ

Арина Александровна ПУЗИНА

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
arina.nastya9@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз и исследований Санкт-Петербургского университета МВД России, подполковник полиции **Анна Владимировна ВАРЛАЧЕВА**, varlacheva.anna@bk.ru

Аннотация. В работе анализируется роль судебно-лингвистической экспертизы при построении следственных версий. Исследование оценивает криминалистический потенциал маркеров агрессии в речи осужденных. Цель статьи заключается в определении тактических возможностей лингвистического анализа при расследовании уголовных дел. Автор доказывает эффективность комплексного подхода, который объединяет знания следователя и эксперта-лингвиста. Взаимодействие ускоряет профилирование правонарушителя, помогает установить мотив и сузить круг подозреваемых.

Ключевые слова: судебная лингвистика, следственная версия, речевая агрессия, маркеры агрессии, криминалистическая тактика, профиль преступника

THE SIGNIFICANCE OF FORENSIC LINGUISTIC ANALYSIS OF AGGRESSIVE SPEECH FOR ADVANCING INVESTIGATIVE HYPOTHESES

Arina A. PUZINA

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia
arina.nastya9@mail.ru

Scientific supervisor – A.V. Varlacheva, Senior Lecturer at the Department of Forensic Expertise and Research, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel, varlacheva.anna@bk.ru

Abstract. Forensic linguistic expertise is examined as a tool for building investigative hypotheses. The analysis covers aggression markers in the speech of inmates. Identifying the tactical potential of linguistic analysis in criminal

investigations serves as the primary aim of this research. A comprehensive approach combining the investigator's and the forensic linguist's knowledge has proven effective. Collaboration accelerates offender profiling, helps to establish the motive and narrows the circle of suspects.

Keywords: forensic linguistics, investigative hypothesis, verbal aggression, aggression markers, forensic tactics, offender profile

Судебно-лингвистическая экспертиза на практике нередко назначается слишком поздно. Органы следствия обращаются к ней на финальных этапах расследования для закрепления доказательственной базы перед судом. Когда лицо, совершившее преступление, уже задержано, экспертиза часто сводится к простой формальности. Такой сценарий не позволяет в полной мере реализовать криминалистические ресурсы лингвистического анализа.

Анализ текстового материала может оказаться полезным уже при проведении первоначальных следственных действий, в особенности если преступление носит неочевидный характер. Явные или завуалированные проявления речевой агрессии в переписке нередко несут информацию о манере общения и круге контактов ее автора. Применение специальных познаний дает возможность обнаружить те детали, которые ускользают от внимания при обычном ознакомлении с текстом. Задача эксперта не ограничивается констатацией оскорбительных выражений. Он исследует механизмы оказываемого давления, специфику синтаксических конструкций и скрытые лексические единицы. Подобные элементы способны свидетельствовать о включенности автора в определенные социальные страты или о его тюремном прошлом.

На начальной стадии расследования следователю необходимо корректно интерпретировать полученные данные в терминах криминалистики. Обнаруженные признаки ложатся в основу выдвигаемых версий. Они дают ключ к пониманию истинных побуждений преступника и проясняют специфику его связей с жертвой. Все это позволяет

существенно сузить перечень подозреваемых лиц и оптимизировать временные затраты на подготовку следственных мероприятий.

Рост числа преступлений в цифровой среде расширяет применение лингвистических методов. Доля деяний, совершаемых с использованием электронных средств связи, растет. Угрозы, вымогательства, мошенничества, склонение к совершению преступлений оставляют массив текстов. Традиционные методы криминалистического анализа не всегда справляются с таким потоком нестандартных данных. Нужны новые инструменты. Судебно-лингвистический анализ предоставляет дополнительные возможности для исследования таких цифровых следов [1, с. 45]. Речевое поведение сохраняется в виде данных. В отличие от отпечатков пальцев или биологических следов, удаленные сообщения часто восстанавливаются при производстве компьютерно-технической экспертизы¹.

После восстановления текста начинается работа специалиста. Изучается не только смысл сказанного, но и форма подачи информации. Ритмика предложений. Выбор синонимов. Порядок слов. Совокупность таких элементов позволяет выявлять индивидуальные особенности речевого поведения, характеризующие идиолект автора. При попытке изменить привычную манеру письма автор может сохранять отдельные устойчивые речевые особенности, особенно в эмоционально напряженной ситуации. Катализатором срывов выступают попытки психологического воздействия. В момент гнева или раздражения внутренний контроль ослабевает. Проявляется подлинный речевой портрет фигуранта.

Для лиц с криминальным прошлым или опытом отбывания наказания характерно наличие специфических речевых штампов, особой лексики и устойчивых моделей общения. Обнаружение таких черт дает возможность

¹Статья 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

использовать тексты как источник ориентирующих сведений в процессе проверки версий. При этом угрозы далеко не всегда проявляются в виде прямых оскорблений, они могут реализовываться через завуалированные формы психологического давления.

Лингвистические маркеры подразделяются на несколько категорий. Применение уголовного жаргона сигнализирует о принадлежности к соответствующей субкультуре и выстраивает иерархические отношения в диалоге. В синтаксисе часто доминируют повелительные конструкции, в которых прямые приказы подаются под видом просьб или рекомендаций. Выражения типа «лучше тебе прийти» или «смотри сам» внешне лишены признаков угрозы. Однако лингвистический анализ вскрывает в них наличие скрытого давления [2, с. 24]. Особого внимания заслуживает визуальная организация текста. Нестандартная расстановка знаков препинания, множественные восклицания или специфическое использование эмодзи в онлайн-переписке могут служить маркерами подавленного эмоционального напряжения.

Цифровая среда видоизменяет формы агрессивных выпадов. Общение через электронные средства связи нередко порождает у отправителя иллюзию безнаказанности и ослабляет внутренний контроль над речью. Как следствие, в тексте проявляются устойчивые черты письменной речи, дающие возможность составить предварительный психолингвистический портрет автора. Сообщения приобретают более импульсивный характер. Фигурант оставляет специфические цифровые отпечатки. Синтаксические погрешности, опечатки и выбор определенных сокращений позволяют специалисту сформировать ориентирующий портрет. Лексические повторы рассматриваются как дополнительные индикаторы эмоционального состояния автора, но сами по себе не являются достаточным основанием для установления факта опьянения или аффекта. Перечисленные элементы применяются при проверке версий о личности неустановленного лица.

Аудиосообщения предоставляют следствию дополнительные возможности. Преступники нередко прибегают к звукозаписи для экономии времени. Аудиофайлы несут в себе невербальную составляющую. Специалист анализирует интонационный рисунок, тембральную окраску, паузы и шумовой фон. Интонационные особенности речи способны передавать эмоциональное напряжение говорящего и принимаются во внимание при оценке коммуникативного воздействия. Изменение тональности, темпа и громкости речи также может выступать дополнительным индикатором эмоционального состояния или намеренного влияния на оппонента. Эксперт отмечает оговорки и запинки. Фоновые шумы выступают источником сведений о местоположении подозреваемого. Звуки проезжающих машин, работающего оборудования или транспорта позволяют выдвинуть версию о месте нахождения в момент отправки угрозы. Комплексный анализ звуковой и смысловой стороны аудиозаписи предоставляет ориентирующие данные.

Преобразование результатов лингвистического исследования в следственную версию основывается на соотнесении полученных сведений с поведением правонарушителя. Признаки давления отражают не только коммуникативные умения, но и преступный умысел. Следовательно трансформирует эти данные в криминалистически значимую информацию. Выдвижение версий облекается в процессуальную форму. Любая криминалистическая гипотеза должна базироваться на фактических данных. Применительно к анализу текстов такими данными выступают предварительные заключения специалиста².

При установлении мотива важную роль играет характер речевого воздействия. В ситуации спонтанного конфликта речевая экспрессия часто бывает более эмоциональной и хаотичной, в то время как при корыстных

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 О судебной экспертизе по уголовным делам.

побуждениях угрозы используются главным образом как инструмент психологического давления.

Оценивая совокупность речевых признаков, орган расследования может выдвинуть версию о спонтанном или заранее подготовленном характере преступления [3, с. 88]. Обращение к потерпевшему раскрывает характер их прошлых взаимоотношений. Клички или сокращения имен указывают на давнее знакомство. Обезличенный тон свидетельствует о случайном выборе жертвы. Данная деталь имеет значение для сужения круга поиска.

Изучение переписки помогает в профилировании ролей. Если тексты содержат указания и отчеты о выполнении, следствие делает вывод о групповом характере деяния [4, с. 112]. Анализ коммуникации соучастников позволяет выявить лидера, склонного к доминированию, и исполнителей на подчиненных позициях.

Специалиста-лингвиста целесообразно привлекать уже на стадии проверки сообщения о преступлении, если для анализа представленных материалов требуются специальные знания. Установление в тексте признаков реальной угрозы убийством формирует базу для принятия процессуального решения³. Далее следователь сопоставляет речевой портрет с материалами криминалистических учетов. Проверяются лица, ранее судимые за аналогичные преступления. Тексты их приговоров и протоколы допросов сравниваются с выявленными маркерами. Совпадение выявленных речевых особенностей с особенностями речи проверяемого лица может служить одним из ориентиров для дальнейшей проверки версии о его причастности.

Типовой пример показывает механизм работы с речевыми маркерами. В следственный отдел поступает заявление о вымогательстве.

³ Статья 119 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

Потерпевший предоставляет доступ к переписке в социальной сети. Злоумышленник использует фейковый аккаунт. Тексты содержат требования передачи денег и завуалированные угрозы. Первоначальный осмотр позволяет выделить несколько деталей. Автор обращается к жертве на «ты» и оперирует фактами из ее личной жизни. Враждебность нарастает постепенно при каждом отказе.

Предварительное исследование выявляет устойчивые конструкции тюремного аргумента и обилие повелительных наклонений. Совокупность орфографических и грамматических особенностей может использоваться для выдвижения ориентировочной версии об уровне образовательной подготовки автора, однако сама по себе не позволяет достоверно установить уровень его образования. Сбор данных способствует конкретизации версий. Подозреваемый знаком с потерпевшим лично, имеет опыт отбывания наказания и действует методично. Полученная ориентирующая информация позволяет исключить версии о случайном мошенничестве. Следствие инициирует проверку окружения потерпевшего. Оперативным службам направляется поручение на отработку лиц с судимостями за корыстные преступления⁴. Взаимодействие сокращает время проверки.

Сформированная версия требует проверки через допрос. Выводы специалиста влияют на выбор тактики. Зная особенности коммуникации подозреваемого, следствие выстраивает эффективную линию общения. Если анализ показал склонность к доминированию, готовятся соответствующие контраргументы. Применяется тактика пресечения лжи, предъявления доказательств. Спокойный тон дезориентирует враждебного фигуранта. Он лишается привычных инструментов воздействия [5, с. 67].

⁴ Статья 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

Иная тактика применяется к лицам, чьи нападки носят защитный характер. Исследование текста позволяет отличить спланированную угрозу от истеричного выпада. При допросе лица, чья речевая агрессия имеет преимущественно защитный характер, могут использоваться приемы установления психологического контакта. Выявленные в сообщениях маркеры могут использоваться как тактический прием. Следователь осознанно употребляет слова из переписки, наблюдая за реакцией. Узнавание знакомого сленга вызывает непроизвольные поведенческие реакции. Реакция допрашиваемого на знакомую лексику может учитываться следователем наряду с другими обстоятельствами при проверке выдвинутой версии [6, с. 204].

Раннее использование специальных лингвистических знаний расширяет возможности следствия при формировании и проверке следственных версий. Такой подход применим при работе с материалами оперативно-розыскной деятельности и при фиксации правонарушений в пенитенциарной среде. Речевой анализ позволяет рассматривать текст переписки как источник криминалистически значимой ориентирующей информации. Сопоставление выявленных речевых признаков с иными материалами проверки способствует формированию и последующей проверке обоснованных следственных версий.

Список источников

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. Учебное пособие. М.: Флинта, 2021. 592 с.
2. Каримова Т. С. Вербальная угроза как объект лингвистической экспертизы // Полицейская деятельность. 2022. № 6. С. 20-30.
3. Галяшина Е. И. Судебное речеведение: учебник. М.: Норма, 2020. 320 с.
4. Геляшинна Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М.Проспект, 2021. 424с.

5. Яблоков Н. П. Криминалистика в 5 т. Том 4. Криминалистическая тактика: учебник. М.: Юрайт, 2023. 179 с.

6. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2014. 458 с.

Информация об авторах

А.А. ПУЗИНА - курсант 3 курса.

Information about authors

A.A. PUZINA - 3rd year cadet.